

Джуд Деверо

Майна
в наследство

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Coe) -44
Д25

Серия «Мини-Очарование: Лучшее»

Jude Deveraux

THE MULBERRY TREE

Перевод с английского У.В. Сапциной

Компьютерный дизайн Э.Э. Кунтыш

*В оформлении обложки использована работа,
предоставленная агентством Fort Ross Inc.*

Печатается с разрешения издательства Atria Books,
a division of Simon & Schuster Inc.
и литературного агентства Andrew Nurnberg.

Деверо, Джуд.

Д25 Тайна в наследство : [роман] / Джуд Деверо ; [пер. с англ. У.В. Сапциной]. — Москва : Издательство АСТ, 2019. — 384 с. — (Мини-Очарование: Лучшее).

ISBN 978-5-17-083820-2

Лиллиан Мэнвилл, жена баснословно богатого человека, внезапно овдовела. Однако в наследство от супруга ей достался лишь заброшенный старый дом в глуши Виргинии — мрачное жилище, стены которого хранят немало тайн...

Лиллиан поселяется в доме и пытается выяснить, что же случилось здесь много лет назад. И это любопытство может стоить ей жизни, потому что кому-то очень не хочется, чтобы правда вышла наружу.

Прикасаться к прошлому порой бывает опасно, но у Лиллиан есть защитник — настоящий мужчина, способный пожертвовать всем ради благополучия и счастья любимой женщины.

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-083820-2

© Deveraux, Inc, 2002

© Перевод. У.В. Сапцина, 2018

© Издание на русском языке AST Publishers, 2019

Глава 1

Он не мог обойтись без меня.

Когда кто-нибудь, как правило, журналист, спрашивал, как мне удастся ладить с Джимми, я лишь улыбалась. Я давно усвоила: что бы я ни ответила, каждое слово преврут до неузнаваемости, потому и молчала. Только однажды оплошала, сказала одной журналистке правду. Она казалась такой молодой и растерянной, так явно нуждалась в поддержке, что на какой-то миг я утратила бдительность. И произнесла: «Он не мог обойтись без меня». И все. Лишь несколько коротких слов.

Кто бы мог подумать, что секундный приступ откровенности обернется такой бурей? Та девушка, а она определенно не успела достичь женской зрелости, раздула из моей краткой фразы международный скандал.

Насчет нее я не ошиблась. Да, она и вправду действительно нуждалась — только не в поддержке, а в сенсации, и потому высосала ее из пальца. И даже не задумалась о том, что ее выдумки не имеют под собой оснований.

Следует признать, что она потрудилась на славу. Должно быть, все две недели после моего неосторожного замечания и до публикации ее статьи она не сомкнула глаз. Она консультировалась с психиатрами, экспертами в сфере самосовершенствования и священниками. Взяла интервью у целой своры воинствующих феминисток. Все до единой известные женщины, когда-либо намекавшие, что ненавидят мужчин, были найдены, подробно расспрошены и процитированы в статье.

В итоге нас с Джимми изобразили на редкость гадкой парочкой. На людях Джимми корчил из себя властного тирана, а дома превращался в плаксивого, капризного младенца. А меня представили в виде гибрида железной леди и груди, вечно истекающей молоком.

Когда статья вышла и произвела фурор, мне захотелось спрятаться от всего мира. Захотелось укрыться в самом дальнем из двенадцати особняков Джимми и никогда больше не выглядывать наружу. Но Джимми ничего не боялся — в этом и заключался истинный секрет его успеха — и смело встречал вопросы, презрительный смех и, хуже всего, советы самозванных психологов, которые уверяли, что мы просто обязаны немедленно предъявить всему миру наши мысли и чувства, вплоть до самых интимных.

А Джимми только обнимал меня, улыбался в камеры и хохотал в ответ на любой вопрос. О чем бы его ни спрашивали, у него всегда оказывалась наготове шутка.

— Мистер Мэнвилл, ваша жена и вправду серый кардинал? — спрашивал репортер, с мерзкой улыбочкой уставившись на меня. Рост Джимми был под метр девяносто, из-за сложения его прозвали быком, а я недотягивала до метра шестидесяти. На серого кардинала, в руках которого сосредоточена реальная власть, я никак не походила.

— Все решения принимает она. А я лишь озвучиваю их, — объявлял Джимми, демонстрируя в своей фирменной улыбке превосходные зубы. Лишь те, кто близко знал его, замечали ледяной холод в глазах. Джимми не терпел пренебрежительного отношения к тому, что он считал своим. — Без нее я бы ничего не добился, — добавлял он, дразня слушателей. Мало кто знал его настолько хорошо, чтобы понять, шутит он или нет.

Через три недели я случайно столкнулась с фотографом, который в тот день был с этим репортером. К этому фотографу я особенно благоволила, потому что ему не доставляло садистского удовольствия отсылать редактору снимки, сделанные в самых невыгодных ракурсах, где мой двойной подбородок виден во всей красе.

— Что с вашим другом, который расспрашивал про нашу семью? — поинтересовалась я, изображая дружелюбие.

— Уволен, — коротко отозвался фотограф.

— Что, простите?

Не поднимая глаз, он менял в фотоаппарате батарейки.

— Уволен, — повторил он, наконец подняв голову, но посмотрел не на меня, а на Джимми.

Умный фотограф не добавил ни слова. И я так же мудро воздержалась от дальнейших расспросов.

У нас с Джимми было неписаное и невысказанное правило: что бы ни делал Джимми, я не вмешиваюсь.

— Как жена мафиозо, — сказала обо мне сестра через год после того, как мы с Джимми поженились.

— Джимми никого не убивает! — с негодованием возразила я.

В тот же вечер я рассказала Джимми о разговоре с сестрой, и на миг в его глазах появился блеск, которого в то время я еще не научилась опасаться.

Через месяц мужу моей сестры предложили работу его мечты: зарплата вдвое больше прежней, служебное жилье и машины. Няня для дочери на полный рабочий день, три горничные, членство в загородном клубе прилагались. Отказаться от такой работы было невозможно. Несмотря на переезд в Марокко.

Когда самолет Джимми разбился, а я овдовела в тридцать два года, вся пресса мира писала лишь об одном: что Джимми не завещал мне «ни гроша». Мне не достался ни один из его миллиардов — не помню даже, сколько всего их было, два или двадцать.

— Мы сегодня разорились или разбогатели? — часто спрашивала я, потому что величина его состояния менялась изо дня в день в зависимости от того, что затевал Джимми.

— Сегодня разорились, — отвечал он, и мы смеялись — так же весело, как когда он объявлял, что за день сумел сделать несколько миллионов.

Джимми никогда не придавал деньгам значения. Этого никто не мог понять. Для него деньги

были всего лишь побочным продуктом игры. «Все равно как выжимки, которые ты выбрасываешь после того, как сделаешь джем, — втолковывал он мне. — Только весь мир почему-то ценит не джем, а выжимки». «Бедный мир», — отзывалась я, Джимми безудержно хохотал и уносил меня наверх, где мы предавались любви.

По-моему, Джимми знал, что до старости ему не дожить.

— Я должен успеть как можно больше и быстрее. Ты со мной, Веснушка? — спрашивал он.

— Всегда, — честно отвечала я. — Всегда.

Но я не сошла вслед за ним в могилу. Я осталась здесь, как и предсказывал Джимми.

«Я позабочусь о тебе, Веснушка», — часто повторял он. В таких разговорах он всегда называл меня прозвищем, которое придумал при первой встрече: на носу у меня целая россыпь веснушек.

Слыша «я позабочусь о тебе», я никогда не придавала его словам особого значения. Обо мне Джимми заботился постоянно. Он предугадывал мои желания задолго до того, как они появлялись у меня. Джимми объяснял: «Я знаю тебя лучше, чем ты — саму себя».

Он говорил правду. Но если уж на то пошло, мне никогда не хватало времени узнать себя получше. Мотаясь вслед за Джимми по всему свету, я не могла выкроить ни минутки, чтобы просто сесть и задуматься.

Джимми знал меня и заботился обо мне. Но не как принято среди людей, а так, как нужно мне. Он не оставил меня богатой вдовой, вокруг которой увиваются толпы холостяков. Нет, деньги и все свои двенадцать бешено дорогих особняков он оставил двум единственным в мире людям, которых по-настоящему ненавидел: своим старшим сестре и брату.

А мне досталась от Джимми запущенная, заросшая бурьяном ферма в виргинской глуши — недвижимость, о существовании которой у мужа я и не подозревала, — и записка: «Узнай всю правду о том, что случилось, — ладно, Веснушка? Сделай это ради меня. И помни:

я тебя люблю. Где бы ты ни была, что бы ни делала, всегда помни, что я тебя люблю».

Впервые увидев ту самую ферму, я разрыдалась. Последние шесть недель я выдержала лишь потому, что гадала, каким оно окажется, мое наследство. Мне представлялась очаровательная бревенчатая избушка с высоким каменным дымоходом у одного торца. Веранда с грубоватыми креслами-качалками, лужайка перед крыльцом, розовые лепестки, осыпающиеся на ветру.

И несколько акров пологих холмов, засаженных деревьями и кустами малины — ухоженными, аккуратно подрезанными, сгибающимися под тяжестью спелых плодов и ягод.

Но моим глазам предстал кошмар прямиком из шестидесятых годов прошлого века. Дом оказался двухэтажным, обитым зеленой вагонкой, которую не меняли ни разу с момента постройки. Ни грозы, ни солнце, ни снег и ни время не оставили на ней никакого следа. Она по-прежнему имела все тот же блеклый, тошнотворный оттенок зеленого цвета, как и много лет назад, когда ее только привезли сюда.

У одной стены разрослись какие-то ползучие растения, похожие на плющ, но не из тех, что придают домам старомодный и уютный вид. Эти плети выглядели так, словно угрожали задушить дом, сожрать его живьем, переварить и оторгнуть в виде мерзкой зеленой массы.

— Его можно привести в порядок, — негромко заметил стоящий рядом Филипп.

После смерти Джимми миновало несколько недель, и слово «ад» лишь приблизительно передавало, через что я прошла.

Когда самолет Джимми рухнул, не кто иной, как Филипп разбудил меня среди ночи. Признаться, его появление шокировало меня. Как жена Джимми, я была неприкосновенна. Мужчины, которыми он себя окружал, прекрасно понимали, что будет, если им взбредет в голову делать мне авансы. И не только с сексу-

альными, но и с любыми другими намерениями. Никто из мужчин и женщин, работавших на Джимми, ни разу не просил меня вступить за них перед мужем. Каждый уволенный знал: стоит ему обратиться ко мне с просьбой урезонить Джимми, — и ему грозит кое-что похуже увольнения.

Так что когда я проснулась оттого, что юрист Джимми коснулся моего плеча, я сразу поняла: что-то случилось. Войти в мою спальню и надеяться дожить до рассвета мог лишь тот, кто твердо знал, что Джимми мертв.

— Но как?.. — воскликнула я, мгновенно стряхнув с себя сон и стараясь вести себя, как подобает взрослому человеку. Внутри у меня все тряслось. Нет-нет, этого не может быть, твердила я себе. Джимми слишком большой, слишком энергичный, чтобы... чтобы... Это слово я не могла выговорить даже мысленно.

— Вам надо немедленно одеться, — сказал Филипп. — Будем хранить тайну, сколько сможем.

— Джимми ранен? — полным надежды голосом спросила я. Может, он на больничной койке и зовет меня! Но, еще не успев договорить, я поняла, что надеюсь зря. Джимми знал, как я тревожусь за него. «Да я лучше дам ногу на отсечение, чем заставлю тебя нервничать», — часто повторял он. Джимми видеть не мог, как я извожусь оттого, что он курит, пьет, сутками обходится без сна.

— Нет! — жестким ледяным голосом отрезал Филипп, буравя меня взглядом. — Джеймса нет в живых.

Мне захотелось лишиться чувств. Захотелось снова нырнуть под теплое одеяло и уснуть. И проснуться, почувствовав, что Джимми рядом, просовывает широкую лапищу под мою ночную рубашку и смешит меня довольным урчанием.

— Горевать вам пока некогда, — продолжал Филипп. — Мы едем в магазин.

Эти слова выбили меня из состояния шока.

— Вы с ума сошли? — спросила я. — Сейчас четыре часа утра!

— Я договорился, чтобы для нас открыли магазин. Ну, одевайтесь! — приказал он. — Нельзя терять время.

Его тон меня ничуть не напугал. Я села во вздувшейся парусом ночной рубашке и вытащила из-под себя косу. Джимми нравилось, когда я одевалась старомодно и носила длинные волосы. За шестнадцать лет брака я отравила косу, на которой могла сидеть.

— Никуда я не пойду, пока вы не объясните мне, что происходит.

— Времени нет, — начал было Филипп, но осекся, тяжело вздохнул и посмотрел на меня. — Я рискую лишиться лицензии, но только потому, что выполняю волю Джеймса и знаю, что вас ждет. Удерживать стервятников я смогу пару дней, не больше. Пока завешание не прочли, вы все еще жена Джеймса.

— Я всегда буду женой Джимми! — гордо заявила я и вскинула подбородок с таким надменным видом, какой только могла изобразить. Джимми! Мое сердце исходило слезами. Нет, только не Джимми. Кто угодно мог умереть, но не он...

— Лиллиан, — тихо произнес Филипп, и его глаза наполнились сочувствием, — на земле никогда не было и не будет второго такого же человека, как Джеймс Мэнвилл. Он играл по собственным правилам и не подчинялся чужим.

Я ждала, когда он скажет хоть что-нибудь, чего я еще не знаю. К чему он клонит?

Филипп провел ладонью по глазам и бросил взгляд на часы у постели.

— Профессиональная этика запрещает мне... — начал он, но умолк, вздохнул и тяжело опустился на край кровати рядом со мной. Если бы мне требовались новые доказательства, что Джимми больше нет, в эту минуту я бы их получила. Филипп ни за что не отважился бы на подобную фамильярность, если бы существовала хоть малейшая вероятность, что Джимми неожиданно вернется и застанет его сидящим рядом со мной на постели.

— Кто в состоянии постичь смысл поступков Джеймса? Я проработал с ним более двадцати лет, но так и не понял толком, что он за человек. Лиллиан... — Филипп несколько раз вздохнул, потом взял мою руку и задержал в своей. — Он ничего вам не оставил. Все свое имущество он завещал брату и сестре.

Я не поняла, что он имеет в виду.

— Но ведь он их ненавидит, — возразила я, высвобождая руку. Атланту и Рея, своих единственных ныне живых родственников, Джимми не переносил. Материально он обеспечивал их, вытаскивал из передрыг, в которые они то и дело попадали, и при этом ненавидел. Нет, хуже — презирал. Однажды, поймав на себе странный взгляд Джимми, я спросила, о чем это он задумался.

— Они тебя живьем сожрут, — ответил он.

— Посмотрим! — улыбаясь, отозвалась я. Но Джимми не ответил на мою улыбку.

— Когда я умру, Атланта и Рей спустят на тебя всех собак, каких только смогут. И наймут адвокатов, которые работают за процент.

Очередное упоминание Джимми о смерти мне не понравилось — слишком частыми они стали в последнее время.

— За процент от чего? — уточнила я, продолжая улыбаться.

— От той суммы, которую они отсудят, ободрав тебя как липку, — нахмурившись, объяснил Джимми.

Слушать продолжение я не желала, поэтому замахала руками:

— Филипп сумеет заткнуть им рты.

— Против такой жадности Филиппу не выстоять.

Я не ответила, потому что была согласна с Джимми. Сколько денег он ни давал Атланте и Рею, им всегда было мало. Однажды, когда Джимми срочно вызвали по делу, я застала Атланту в гардеробной, где она пересчитывала мои туфли. Пойманная с поличным, она ничуть не смутилась — уставилась на меня в упор и заявила: «У тебя на целых три пары больше!» Выраже-

ние ее лица так напугало меня, что я со всех ног бросилась к себе в спальню.

— Завещал им все? Что именно? — спросила я Филиппа. Я была готова думать о чем угодно, лишь бы не о том, какой станет моя жизнь без Джимми.

— Все свои акции, все дома, недвижимость во всем мире, все авиакомпании — словом, все свое имущество Джеймс завещал вашему деверю и золовке.

Дома, которые то и дело покупал Джимми, я не переносила, поэтому никак не могла взять в толк, что плохого в таком завещании.

— По-моему, перебор со стеклом и сталью, — заметила я, коротко улыбаясь Филиппу.

Он вспыхнул.

— Лиллиан, это очень серьезно! Джеймса больше нет, вас некому защитить, а я вообще бессилен. Не знаю, зачем он это сделал, — Бог свидетель, я пытался его отговорить, но он твердил, что обеспечит вас всем необходимым. Больше мне не удалось вытянуть из него ни слова.

Филипп поднялся и некоторое время молчал, стараясь взять себя в руки. Джимми говорил, что ценит Филиппа за непоколебимое спокойствие — ничто не может выбить почву у него из-под ног. Но на этот раз не выдержал даже Филипп.

Я решительно гнала от себя мысли о будущем, старалась не думать о том, как стану жить без смеха Джимми, без его широких надежных плеч, и выжидательно смотрела на Филиппа.

— Вы хотите сказать, я разорена?

Я с трудом сдержала улыбку: драгоценные побрякушки, которыми много лет подряд заваливал меня Джимми, потянут на несколько миллионов.

Филипп глубоко вздохнул.

— В некоторой степени. Он завещал вам ферму в Виргинии.

— Ну вот, уже кое-что, — подхватила я, но сразу оборвала свою ироническую фразу и стала ждать продолжения.

— После того как я составил по его просьбе завещание, я, нарушив этику, отправил кое-кого в Виргинию — выяснить, что это за ферма. Там... было не на что смотреть. Это просто... — Он на мгновение отвернулся, и я услышала, как он цедит сквозь зубы: «Скотина!», но не подала и виду, потому что ничего не желала знать. Когда он снова повернулся ко мне, его лицо было деловитым. Он взглянул на часы — те самые, которые, как я знала, ему подарил Джимми, стоившие больше двадцати тысяч долларов. Мне принадлежали часы той же марки, но поменьше размером и поизящнее.

— Чем вы ему так насолили? — тихо спросил Филипп. — Нашли себе другого?

Не сдержавшись, я презрительно фыркнула и ответила Филиппу красноречивым взглядом. По сравнению с женой Джеймса Мэнвилла обитательницы гаремов пользовались неограниченной свободой.

— Ну хорошо, — продолжал Филипп. — Над этим я ломал голову несколько месяцев, и поскольку так ничего и не понял, то решил сдаться. Как только завещание Джеймса будет прочитано, начнется кошмар. Атланта и Рей приберут к рукам все состояние покойного, а вам достанется ферма в Виргинии и пятьдесят тысяч — жалкие крохи. — Он прищурился, наблюдая за мной. — По крайней мере об одном я могу позаботиться: чтобы вы успели закупить все, что только можно, прямо сейчас, пока о смерти Джеймса еще не объявили во всеуслышание.

Слова «смерть Джеймса» едва не прикончили меня.

— Даже не вздумайте, — заявил Филипп, схватил меня за руку и поставил на ноги. — Пока что вам некогда горевать и оплакивать свою судьбу. Одевайтесь скорее. Управляющий магазина ждет.

Холодным весенним утром в половине шестого меня ввели в огромный универмаг и объявили, что моя задача — купить все, что только может понадобиться для дома на ферме в Виргинии. Филипп объяснил, что его помощник, посланный туда, не сумел осмотреть

дом внутри, поэтому неизвестно даже, сколько в нем спален. Заспанный управляющий, которого подняли с постели ни свет ни заря, чтобы обслужить супругу Джеймса Мэнвилла, преданным псом следовал по пятам за нами с Филиппом и записывал каждый товар, на который я указывала.

Происходящее казалось сном. Я не могла воспринимать его всерьез и хотя еще не успела оправиться от потрясения, мысленно уже прикидывала, как буду пересказывать Джимми эту уморительную историю. Вот уж он посмеется! Я доведу до абсурда каждую забавную деталь, и чем безудержнее он будет смеяться, тем цветистее станет мой рассказ. «Только представь: я клюю носом, а меня спрашивают, какой диван я хотела бы приобрести!» — скажу я.

— Диван? — переспросил, позевывая, наш сопровождающий. — Какой диван?

Мне ничего не удалось пересказать, не было ни смеха, ни цветистых подробностей: больше я никогда не видела Джимми живым.

Но я делала, как велено, — выбирала мебель, посуду, постельное белье и даже бытовую технику для дома, который в глаза не видела. Все это выглядело так нелепо. Особняки Джимми были полностью обставлены, большинство — мебелью, сделанной на заказ, а огромные стерильные кухни вмещали любую утварь, какую только можно себе вообразить.

В семь, отвозя меня обратно домой, Филипп достал с заднего сиденья машины какую-то брошюрку.

— Я купил вам автомобиль, — сообщил он, показывая мне глянцевый снимок полноприводной «тойоты».

Я уже начинала просыпаться и чувствовать боль. Все казалось таким странным, мой мир перевернулся с ног на голову. Почему Филипп сидел за рулем сам? Обычно он пользовался одной из машин Джимми с шофером.

— Забрать драгоценности вы не сможете, — продолжал он. — Все они внесены в опись и за-

страхованы. Можете взять одежду, но думаю, даже в этом случае Атланта поднимет скандал. Ведь у нее ваш размер.

— Мой размер... — прошептала я. — Взять одежду...

— Вы, конечно, можете ввязаться в драку, — тем временем объяснял Филипп. — Но здесь что-то не так. Еще полгода назад Атланта намекала, что знает какую-то вашу тайну.

Продолжая говорить, Филипп искоса поглядывал на меня. Я поняла, что он снова спрашивает, не было ли в моей жизни других мужчин. Но когда? Джимми старался не оставаться один даже на секунду и не оставлял меня. «Боясь, что меня заберет бука», — объяснял он, целуя меня в нос, когда я спрашивала, почему он всеми силами избегает одиночества. Джимми редко... нет, Джимми никогда не давал прямые ответы на личные вопросы. Он предпочитал жить «здесь и сейчас», в окружающем мире, а не в собственной голове. Не утруждая себя размышлениями, почему люди устроены так, а не иначе, он просто принимал их целиком, любил или ненавидел.

— Когда мы с ним познакомились, я была девственницей, — тихо объяснила я Филиппу, — кроме Джимми, у меня не было мужчин.

Но, произнося эти слова, я невольно отвела взгляд, потому что сообразила: между мной и Джимми все-таки была тайна.

Но знала об этом только я. Атланта никак не могла ее выведать...

И все-таки сумела.

К восьми часам мой уютный, надежный, привычный мир рухнул. Не знаю, кто известил Атланту, что самолет Джимми разбился, но о катастрофе она узнала сразу же. И прежде чем пресса успела раструбить о гибели Джимми, Атланта натворила больше бед, чем за все сорок семь лет своей жизни.

Вернувшись из своей безумной экспедиции в магазин, мы с Филиппом застали у входной двери дома, который я считала своим, вооруженную охрану и ус-

лышали, что внутрь меня не пустят. Мне объявили, что все имущество Джимми принадлежит его единственным родственникам — Атланте и Рею.

Мы с Филиппом вернулись в машину, он в изумлении качал головой.

— Как они разузнали про завещание? Откуда ей известно, что Джеймс завещал им все? Послушайте, Лиллиан... — продолжал он, и я вдруг вспомнила, что при жизни Джимми он всегда звал меня «миссис Мэнвилл». — Не знаю, как ей это удалось, но я найду виновного, который проболтался, и... и... — Очевидно, он так и не смог придумать с ходу, что такого ужасного сделает с тем из своих коллег, который разболтал подробности завещания Джимми. — Мы будем бороться. Вы его жена, вы прожили вместе много лет. Мы с вами...

— Мне было семнадцать, когда я вышла за него, — тихо напомнила я. — Без маминого разрешения.

— Боже мой! — ахнул Филипп и открыл рот — похоже, чтобы прочитать нотацию о моем легкомыслии. Но передумал и с сожалением промолчал. Что толку выговаривать мне сейчас, если Джимми уже нет?

Неделю ужаснее следующей я не смогла бы даже вообразить. Через несколько часов после смерти Джимми Атланта уже выступила по телевидению и сообщила прессе, что намерена объявить войну «этой женщине», которая долгие годы держала в рабстве ее любимого брата: «Я добьюсь, чтобы она получила по заслугам!»

Для Атланты не имело значения, что Джимми ничего не оставил мне по завещанию. В нем не упоминалась даже пресловутая ферма. Нет, Атланта стремилась отомстить за все нанесенные мной обиды, которые привиделись ей за долгие годы. Даже денег ей не хотелось так сильно, как унижить меня.

Разумеется, она узнала, что наш брак с Джимми был заключен в нарушение закона. Это было нетрудно: моя сестра знала обо всем. Они с мужем развелись, потому что Марокко осточертел ей, а ее муж не желал